Вестник
Челябинского
государственного
университета

История
Выпуск 48

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
Основан
в 1991 году
№ 34 (249) 2011

СОДЕРЖАНИЕ

НАУЧНЫЙ ДИСКУРС

Древняя история и традиционная культура

Илюшин А. М. Опыт исследования культурной динамики поселений в Кузнецкой котловине в эпоху средневековья 6

Косарева И. А. О социально-культовых группах луда и куалы у удмуртов 12

Косарева И. А. Распространение культа Булды и проблема выявления этнографических подразделений южных удмуртов 16

Хасанова З. Ф. Традиционные способы обработки шкур диких животных в горно-лесной зоне Башкортостана: к проблеме башкиро-русского взаимодействия 20

История России и ее регионов

Пислегин Н. В., Субботина А. М. Модернизация удмуртского крестьянского хозяйства в XIX – начале XX века: направления, агенты, механизмы трансформации народной агрикультуры 24

Липина С. А. К истории развития спичечного производства в Вятской губернии во второй половине XIX – начале XX века 31

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЕГИЯ
А. Ю. Шатин — главный редактор
А. В. Мельников — *зам. главного редактора*
Н. Н. Алеврас — *главный редактор научного направления*
С. А. Баканов, А. В. Захаров — *зам. главного редактора научного направления*
Т. А. Андреева, Н. М. Арсентьев, А. В. Головнев,
Г. А. Гончаров, В. В. Грудзинский, Г. Б. Зданович,
И. В. Нарский, А. А. Пасс

Редколлегия журнала может не разделять точку зрения авторов публикаций. Ответственность за содержание статей несут авторы публикации.

С требованиями к оформлению статей можно ознакомиться на сайте ЧелГУ www.csu.ru

Адрес редакционной коллегии:
454084 Челябинск, пр. Победы, 162 в, к. 109
Тел.: (351) 799-70-20
e-mail: vhist@mail.ru

Журнал зарегистрирован в Упринформпечати администрации Челябинской области. Рег. № 87
Индекс 73855 в каталоге российской прессы «Почта России»

Редактор *М. В. Загидуллина*
Компьютерная верстка *А. А. Селютина*
Компьютерный набор *О. В. Богомазовой*

Подписано в печать 05.12.11.
Формат 60x84 1/8. Гарнитура Times.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 20,0. Уч.-изд. л. 20,2.
Тираж 1000 экз. Заказ 136.
Цена договорная

ФГБОУ ВПО «Челябинский государственный университет»
454001 Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129

Издательство
Челябинского государственного университета
454021 Челябинск, ул. Молодогвардейцев, 57 б

Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 34 (249).
История. Вып. 48. С. 24–30.

ИСТОРИЯ РОССИИ И ЕЕ РЕГИОНОВ

Н. В. Пислегин, А. М. Субботина

МОДЕРНИЗАЦИЯ УДМУРТСКОГО КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА: НАПРАВЛЕНИЯ, АГЕНТЫ, МЕХАНИЗМЫ ТРАНСФОРМАЦИИ НАРОДНОЙ АГРИКУЛЬТУРЫ[1]

В статье исследуется процесс модернизации крестьянского хозяйства как результат деятельности различных институтов на территории Удмуртии в XIX – начале XX в. Особое внимание уделяется развитию культуры сельскохозяйственного производства. Изменения рассматриваются в контексте выработки эффективных мер адаптации современной агрикультуры в крестьянской среде.

Ключевые слова: история России, история Удмуртии, крестьянство, община, агрикультура, государственная политика, реформы, земство, модернизация.

Сельское хозяйство и крестьянство России на протяжении XIX – начала XX в. находились в процессе непрерывного реформирования. В научной литературе нет единого мнения о том, насколько аграрные реформы этого периода были вызваны объективными причинами. Более того, появились исследования, в которых отрицается наличие глубокого аграрного кризиса в стране[2]. Несмотря на это, отмечается, что идея преобразования, модернизации крестьянской жизни находила широкий отклик как среди российской общественности, так и в кругах государственной элиты[3]. В результате традиционная агрикультура испытала достаточно сильное воздействие. Важная роль в этом принадлежала как государственным органам, так и созданным в ходе Великих реформ 60–70-х гг. XIX в. новым институтам. Особое место крестьянское хозяйство занимало в деятельности земских учреждений, реализовывавших идею местного самоуправления на уровне губерний и уездов. Результаты преобразований были весьма неоднозначны как в общенациональном, так и в региональном измерении. Территория Удмуртии, с которой принято соотносить Глазовский, Елабужский, Малмыжский и Сарапульский уезды Вятской губернии, представляет интерес с точки зрения выявления общероссийских тенденций и локальной специфики.

Концепция и методы воздействия на крестьян менялись с течением времени. Первая половина XIX в. характеризовалась применением мер в духе государственного патернализма. Среди причин такого попечения о крестьянах на первое место выходят сугубо фискальные интересы. Можно отметить также попытки власти действовать в духе теории просвещенного абсолютизма. На протяжении последних предреформенных десятилетий традиции патернализма оставались устойчивыми. Этому во многом способствовали и особенности менталитета народов, населяющих Удмуртию, – ориентация на сильную государственную власть, тесное переплетение мирской и монархической традиций, когда от правящего императора крестьяне ждали защиты и покровительства взамен выплачиваемых податей и отрабатываемых повинностей. Полнее всего политика государственного патернализма проявлялась в казенной и удельной деревне.

Значительное внимание уделялось земельной проблеме. В Вятской губернии практиковались прирезки земли и переселения, в т. ч. с 1840-х гг. – в Сибирь. Даже в случае самовольных крестьянских переселений местная власть зачастую не давала «к обратному их выселению <...> в видимое их разорения согласия»[4]. Наделения дополнительными участками проводились, начиная с VII ревизии, для тех сельских обществ, у которых средний надел составлял менее 5 дес. на ревизскую душу. Крестьяне при этом должны были платить за прирезанные земли сверх 8-десятинной пропорции[5]. Немаловажное место занимал продовольственный вопрос. С 1799 г. сбор хлеба в запасные магазины составлял по 4 четверти ржи и 3 четверти ярового хлеба с каждой ревизской души, с 1822 г. он был ограничен двумя четвертями,

и, наконец, в 1834 г. стало считаться достаточным, чтобы имелось по 1,5 четверти[6]. Для лучшего контроля за состоянием продовольственной части в 1822 г. была образована губернская комиссия народного продовольствия, а с 1834 г. хлебный сбор был дополнен 10-копеечным денежным[7]. Действия власти в случае голода были осторожными. Так, когда в 1834 г. неурожай охватил практически всю Вятскую губернию, первоначально разрешалось получать хлеб только из магазина, находящегося на участке, нуждающегося в ссуде. Потребовалось разрешение министра внутренних дел, чтобы нуждающиеся смогли занять зерно из магазинов соседних уездов[8].

Определенное внимание государство уделяло развитию экономической активности населения. В первой четверти XIX в. издаются законы, расширяющие торговые права крестьянства[9]. В 1827 г. вводится выдача, наряду с одно-, двух- и трехгодичными паспортами, месячных, двухмесячных и трехмесячных билетов, в 1829 г. учреждены дешевые полугодовые паспорта[10]. С 1830–1840-х гг. больше внимания стало обращаться на усовершенствование крестьянского хозяйства. Так, удел постепенно начинает поощрять местные промыслы, учреждает сельские банки, вводит страхование домов и построек. Смягчается законодательство в вопросах хозяйственной деятельности крестьян, раздела их семей, владения недвижимостью и т. д.[11]

С помощью общественной запашки (1828) удельная власть пыталась внедрить новые культуры, орудия труда, усовершенствованные системы земледелия, а также гарантировать крестьян от голода. Запашка стала основным источником финансирования дальнейших преобразований[12]. Отношение же самих крестьян к ней было скорее отрицательным, возникали слухи о ее отмене, которое якобы местное начальство скрывает[13]. В ведомстве государственных имуществ также имелись попытки введения общественной запашки. В 1842 г. крестьянами Сарапульского уезда на площади 515 дес. был посеян яровой и озимой хлеб, взятый из хлебных магазинов. Данное мероприятие не было обязательным, и, по-видимому, в последующем от него отказались[14]. У непременных работников развитие запашки шло успешнее: если в начале 1840-х гг. под нею находилось 156 дес. земли подсобных работников Ижевского завода, то к 1861 г. – более 500[15].

Большую роль в проникновении нововведений в сельское хозяйство играли образцовые усадьбы ведомства уделов и государственных имуществ. Именно в них в 1840–60-х гг. были апробированы такие новые орудия, как коса-литовка, плужок для окучивания, кочкорез, различные молотилки и т. д.[16] В образцовых усадьбах занимались пчеловодством «по методу», выращивались новые породы домашних животных, внедрялись картофель, кукуруза, многолетние травы, шло экспериментирование с разными удобрениями и системами севооборота[17]. Однако ко времени отмены крепостного права практически все они находились в плачевном состоянии. В Уделе их «по бесполезности» упразднили в 1861 г.[18] Усадьбы ведомства государственных имуществ на территории Удмуртии вообще не оставили значительного следа. Несмотря на многие положительные результаты деятельности, в основной массе крестьянство воспринимало их с недоверием. Общий итог можно сравнить с результатами деятельности помещиков-англоманов Центральной России в начале XIX в. Попытки перейти на современные технологии потребовали непомерно больших затрат. Семена не проходили районирования и быстро утрачивали свои свойства, отсутствовали квалифицированные специалисты и рынки сбыта. Над всем этим возвышалась крепостническая система[19].

Важное значение в пропаганде современной агрикультуры придавалось губернским и региональным сельскохозяйственным выставкам, которые начали проводиться с 1849 г. Эпизодически происходили раздачи «образцовых» семян. Предпринимались попытки организации образцовых пасек, садов. На 1850 г. приходится появление в ведомстве палаты государственных имуществ агронома. Важным достижением политики патернализма можно считать внедрение в крестьянские хозяйства картофеля, который стал вполне обыденным к 1850-м гг.

Преодоление существовавшего дисбаланса между земледелием и животноводством являлось важной задачей. Новые породы распространялись через образцовые хозяйства. С 1845–1864 гг. в Вятке функционировала земская случная конюшня[20]. Итоги были мизерны: скот оставался в основном «беспородным». Ситуацию усугубляли постоянные эпизоотии, борьба с ними не приносила должных результатов по ряду при-

чин: нехватка ветеринаров (в 1853 г. на всю губернию двое), отсутствие согласованности в действиях ведомств, «беспечность и недоверие к распоряжениям начальства» крестьян и т. д.[21] Представители власти и тут отмечали, что когда какое-либо мероприятие «не было делаемо для крестьян обязательным и вводилось по доброй их воле», то чаще всего оно не получало распространения[22].

Уделялось внимание и сельскохозяйственному образованию. Под Казанью с 1846 г. действовала Северо-восточная учебная ферма ведомства государственных имуществ, которая должна была «иметь влияние на усовершенствование земледелия и вообще сельского хозяйства в губерниях Казанской, Вятской, Пермской, Нижегородской и Костромской»[23]. Дети удельных крестьян с 1833 г. обучались в Петербургском земледельческом училище, ремесленном училище в удельной слободе Кукарке и др.

Настоящей бедой российских деревень были пожары. Для борьбы с ними государственных крестьян обязывали устраивать за свой счет пожарные сараи и снабжать их инструментами. К 1844 г. в ведомстве удела Вятской губернии числилось «48 заливных труб и большое число других пожарных инструментов». В 1841 г. удельная контора организовала страхование от пожаров. В 1843 г. из 17907 дворов было застраховано 2446 на сумму 93033 р.[24] Погоревшим выдавались «пособия» деньгами, зерном и лесом. Так, на основании указа Вятской казенной палаты в январе 1855 г. Шебалинскому волостному правлению было выдано 341 р. 66 коп. А 12 семьям из д. Годин Большенорьинской волости Сарапульского уезда в 1853 г. разрешили вырубить по 100 деревьев[25].

Одним из направлений попечительской политики было совершенствование управления, традиционным было стремление оградить крестьян от излишних расходов и коррупции. Отметим также проекты и «предположения», исходившие от местных органов управления крестьянами, начиная от предложения «о заведении в полях живых изгород» и заканчивая «дарованиями преимуществ земледельческому классу»[26].

В первой половине XIX в. государство, возложив на свои плечи многочисленные функции попечительского характера в отношении крестьянства, столкнулось с определенными трудностями. Жизнь деревни существенных изменений к лучшему не претерпела. Постановления центральной и губернской власти часто оставались на бумаге из-за формального их выполнения. Попечительство имело ярко выраженную фискальную окраску и реализовывалось за счет самих крестьян. Заметное его усиление и большее разнообразие наблюдается после преобразований П. Д. Киселева и Л. А. Перовского в государственной и удельной деревне. Наряду с традиционными для российского государства методами насильственного насаждения нового, впервые были широко апробированы разнообразные формы агрикультурной пропаганды и просвещения. Современные методы ведения хозяйства внедрялись часто без учета климатических условий и традиций, многое строго регламентировалось, а отступление от циркуляров и инструкций преследовалось. Не следует игнорировать и осторожное отношение крестьян по отношению ко многим нововведениям. Тем не менее, в развитии техники и технологии аграрного производства определенные подвижки имели место.

Во второй половине XIX – начале XX в. задача выработки более совершенных методов приспособления крестьянства к новой экономической ситуации приобрела особую актуальность и решалась во многом благодаря созданным в пореформенный период новым институтам. Земская реформа была тесно связана с отменой крепостного права, поскольку иначе крестьяне не имели бы возможности на равных с другими сословиями участвовать в органах уездного и губернского самоуправления. Взаимодействие местной либеральной общественности и крестьянства в рамках земских собраний давало дополнительные возможности для проникновения современных методов в сельское хозяйство. В земский период предыдущий опыт преобразований в деревне был творчески переработан и существенно дополнен целой системой мероприятий. Часть функций земства получили в наследство от учреждений казенного и удельного ведомств. Среди них особое значение для поддержки крестьянского хозяйства в неблагоприятных условиях имели продовольственное дело и пожарно-страховое дело[27]. Постепенно в земской практике как в этих двух областях, так и в других направлениях дополнительно к обязательным, установленным законом мерам были выработаны разнообразные методы воздей-

ствия на крестьянина. Нужно отметить, что государство в данный период не устранилось от решения существовавших в аграрном секторе проблем. Процесс реформирования крестьянства и сельского хозяйства продолжался. Особенно остро вопрос встал в годы революции 1905–1907 гг., что и вызвало столыпинскую аграрную реформу. Земства сотрудничали с государственными органами в реализации конкретных мероприятий по преобразованию культуры сельскохозяйственного производства и крестьянского быта.

Активность земства стимулировалась, в том числе, и ситуацией, сложившейся в сельском хозяйстве в это время. Особенно остро проблема была поставлена перед земством серией голодных лет, из которых масштабами продовольственной катастрофы выделялись 1891–1892 гг. Важную роль в выработке практической программы воздействия на крестьянское хозяйство сыграли результаты земских статистических исследований.

В качестве причин экономического упадка крестьянского хозяйства местными земствами в ответ на запрос Министерства земледелия в 1895 г. указывались общие экономические условия его существования (малоземелье, высокое налогообложение, неразвитость кредита, плохое состояние дорог и др.) и традиционный характер земледельческой и кустарной культуры, который связывался с низким образовательным уровнем населения[28]. Исходя из имеющихся в их распоряжении возможностей, земствами края были предприняты усилия по развитию системы кредитования населения, поддержке кооперативного движения, осуществлению посреднических функций, улучшению путей сообщения. Интенсификация сельского хозяйства предполагала распространение улучшенных сельскохозяйственных орудий и семян, содействие переходу от трехполья к многопольным севооборотам, развитию травосеяния, огородничества и садоводства, разведению культуры льна, повышению продуктивности животноводства. В отношении кустарных промыслов главное внимание земства уделялось распространению новых видов промыслов и повышению технической культуры кустарного производства.

Взгляды местных земских деятелей на вопрос о том, на кого должно быть направлено земское воздействие, во многом определялись крестьянским большинством земских собраний края и распространением народнической идеологии в среде земской интеллигенции. Поскольку целью земства, по мнению его представителей, являлось улучшение экономического положения всего крестьянства, земская деятельность была ориентирована преимущественно на развитие коллективных форм хозяйствования. Приоритетным вниманием земства пользовались коллективные просители (сельских общества, жители отдельных населенных пунктов, артели, товарищества и другие кооперативы), для которых устанавливались разнообразные льготы. Показательна в этом отношении деятельность земств края по развитию кооперативного движения.

До середины 90-х гг. XIX в. усилия земства были направлены, главным образом, на стимулирование открытия кредитных объединений, в частности ссудно-сберегательных товариществ. С середины 90-х гг. XIX в. начала действовать программа губернского земства по содействию созданию в крае сельскохозяйственных обществ, совмещавших в себе просветительские и производственные функции. К 1914 г. в Глазовском уезде действовало 6 сельскохозяйственных обществ, в Малмыжском – более 10 обществ, в Сарапульском – около 30 обществ[29]. В 10-е гг. XX в. кооперативное движение приняло характер государственной программы. Земским центром организации всесторонней поддержки кооперативам в крае стали земские кассы мелкого кредита. 18 октября 1912 г. начала действовать Вятская земская губернская касса, к 1916 г. кассы действовали во всех четырех «удмуртских» уездах. В 1913–1914 гг. при содействии губернской и уездных земских касс было образовано 15 кредитных товариществ, 15 маслодельных артелей (по одному в Малмыжском и в Сарапульском уездах), а также 17 трудовых артелей и 19 товариществ по совместному использованию сельскохозяйственных машин (Малмыжский уезд)[30]. В 1915 г. в Вятке состоялся первый кооперативный съезд.

Гораздо более сдержанное участие местные земства приняли в инициированной правительством программе поддержки крестьян-единоличников в связи с осуществлением столыпинской аграрной реформы. В 1910 г. в качестве мер помощи хуторянам Вятским губернским земским собранием были намечены проведение статистического обследования

хуторских хозяйств, создание показательных хуторов, открытие прокатных станций, распространение на хуторян льгот по покупке семян, сельскохозяйственных машин и др.

За полувековой период своего существования земствами края была создана разветвленная инфраструктура воздействия на крестьянскую экономику. К 1915 г. на территории Удмуртии на земской службе состояло 4 уездных агронома и 16 участковых. Из них 6 работали в Сарапульском уезде, 4 – в Малмыжском, по 3 – в Глазовском и Елабужском. В помощь агрономам земства нанимали сельскохозяйственных старост из крестьян-практиков и выпускников земских сельскохозяйственных учебных заведений. В 1914 г. в Глазовском уезде насчитывалось 7 старост, в Малмыжском – 12, в Сарапульском – 14. Кроме того, к началу XX в. губернское и уездные земства содержали также специалистов и инструкторов по садоводству и огородничеству, льноводству, луговодству и осушению болот, пчеловодству и др. Созданная земством на территории Удмуртии ветеринарная служба к 1914 г. состояла из 14 ветеринарных врачей и более 50 ветеринарных фельдшеров[31]. В 1913 г. при Вятской губернской земской управе было открыто зоотехническое бюро во главе с зоотехником. Руководством работ по организации кустарных промыслов занимались состоявшие при земских управах кустарные техники и инструкторы по отдельным видам промыслов.

Важное место в созданной земствами инфраструктуре занимали уездные сельскохозяйственные склады и их отделения в крупных селах (только в Глазовском уезде их было 10), уездные отделения Вятского губернского кустарного склада, прокатные станции (6 в 1913 г.), Асановская и Верхосунская фермы губернского земства (с 1912 г. Верхосунская ферма преобразована в питомник племенного скота), опытные поля, доказательные участки, «образцовые» хозяйства, постоянные и временные сортировочные, льнообделочные и случные пункты, кассы мелкого земского кредита, кооперативы. К началу XX в. земствами была создана сеть специализированных учебных заведений. Сельскохозяйственное образование на территории Удмуртии было представлено Парзинской (Глазовской) и Савальской низшими сельскохозяйственными школами, учебными отделениями при Верхосунской и Асановской фермах (с 1912 г. Асановское отделение было преобразовано в женскую сельскохозяйственно-домоводческую школу), учебными пасеками (Юськинская, Ижевская и др.), сельскохозяйственными курсами. Обучение кустарным промыслам осуществлялось через кустарные мастерские, ремесленные отделения при школах и курсы. В 1912 г. в Удмуртии действовало 35 мастерских (20 – в Сарапульском, 7 – в Глазовском, по 4 – в Малмыжском и Елабужском уездах)[32].

Результаты земской программы агрикультурных изменений в крае оказались противоречивыми. Осуществляя подворную перепись в 80-е гг. XIX в., земства даже не включали плуги в перечень пахотных орудий. В 1913 г. в четырех уездах плуги составляли по отношению к традиционным пахотным орудиям уже 13,8 %. Однако в перерасчете на крестьянское хозяйство плугов на территории Удмуртии было в 3,5 раза меньше, чем по России, но зато сох, косуль и сабанов в 2 раза больше[33]. Веялки в 1914 г. применялись в 48,2 % опрошенных земскими статистиками хозяйств Вятской губернии, конные молотилки – в 16,3 % (в Сарапульском уезде – 40,1 %, в Глазовском – 26,6 %, в Малмыжском – 23 %), ручные молотилки – в 5 %, льномяльные машины – в 8 %, сенокосилки – в 0,4 %, рядовые сеялки – в 1,8 %[34]. Посредническая деятельность, разнообразные формы поддержки способствовали появлению и развитию в крае плужного, веялочного, гончарного, ткацкого, кружевного и др. промыслов. Некоторых успехов земства добились в распространении альтернативных видов сельскохозяйственных культур. Посевы льна в четырех уездах к 1912 г., по сравнению с 70-ми гг. XIX в., увеличились в 1,5 раза, доходы от продажи волокна и семени – более чем в 2 раза. В ряде волостей Елабужского, Сарапульского и Малмыжского уездов товарный характер приобрело выращивание огородных и садовых культур. В Елабужском уезде местные яблоки вытеснили на рынке привозные. Однако льноводство, садоводство и огородничество не смогли реализовать имеющиеся у них потенциальные возможности как в количественном, так и в качественном отношении.

Гораздо труднее оказалось изменить традиционную систему земледелия. В 1913 г. в Вятской губернии насчитывалось всего 316 хозяйств с правильным травопольным севo-

оборотом (52 действовало в Глазовском уезде, 29 – в Малмыжском), из которых 2 были частновладельческими, 102 на хуторах или отрубах и 210 в селениях общинников[35]. К 1916 г. число многопольных севооборотов в губернии увеличилось до 996 с общей площадью земли в 14956 десятин. Недостаток сенокосных площадей, низкая продуктивность зернового хозяйства становились тормозом для развития в крае животноводства.

Таким образом, земская программа преобразования крестьянской агрикультуры была направлена на развитие рациональных форм ведения хозяйства. Наиболее востребованными крестьянами были мероприятия земства по развитию кустарных промыслов и распространению сельскохозяйственных машин и орудий. Задача перехода к более рациональным способам земледелия и новым видам сельскохозяйственного производства оказалась для земства труднодостижимой. Помимо крупных капитальных вложений, она требовала изменения сознания крестьян.

Оценивая в целом результаты модернизационного воздействия на крестьянскую агрикультуру в XIX – начале XX в., можно констатировать, что идея общественного согласия и взаимодействия общества и государства, реализованная в земских учреждениях, оказалась более эффективной односторонних мер «заботы о народе» в духе патернализма дореформенного периода. Следует отметить положительные изменения в сельском хозяйстве в тех областях, которые не требовали быстрой радикальной смены традиционных ценностей и устоев. Необходимо признать, что, несмотря на хронически продолжающуюся нехватку средств, удается весьма и весьма многое, когда государство и общество действуют сообща. Вместе с тем нельзя говорить о качественном рывке, поскольку большая часть крестьянского населения Удмуртии продолжала жить, следуя традициям. Настоящий переворот происходит позже, уже в советское время, когда тенденции, зародившиеся еще в предыдущий период, получили более яркое воплощение.

Примечания

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке Президиума РАН, программа фундаментальных исследований «Историко-культурное наследие и духовные ценности России», проект «Удмуртское крестьянство: нравственные императивы и культура взаимодействия с природной и социальной средой».

[2] См., например: Уильямс, С. Либеральные реформы при нелиберальном режиме : (Создание частной собственности в России в 1906–12915 гг.). М., 2009. 332 с.; Грегори, П. Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.) : (Новые подсчеты и оценки). М., 2003. 256 с.

[3] См.: Hoffman, D. L. Conclusion // Russian modernity : Politics, knowledge, practices. L., 2000. P. 245–260.

[4] ГАКО. Ф. 582. Оп. 6. Д. 10. Л. 18 об.; Ф. 575. Оп. 2. Д. 8197. Л. 18 об.–19.

[5] См., например: ВГВ. 1844. № 21. С. 94–95; РГИА. Ф. 383. Оп. 20. Д. 26987. Л. 1.

[6] См.: Столетие Вятской губернии. Т. 2. Вятка, 1881. С. 452.

[7] См: Дружинин, Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Кисслева. Т. 1. М. ; Л., 1946. С. 63.

[8] См.: Столетие Вятской губернии. Т. 2. С. 416.

[9] См.: Дружинин, Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. Т. 1. С. 78–83.

[10] См.: Половинкин, Н. С. Дворцовая (удельная) деревня Приуралья. Вторая половина XVI – первая половина XIX в. Тюмень, 1996. С. 150; Борисова, А. В. Крестьянство России в конце XVIII – первой половине XIX в. Ярославль, 2000. С. 13–14.

[11] См.: Котов, П. П. Удельные крестьяне Севера, 1797–1863 гг. Сыктывкар, 1991. С. 12; Половинкин, Н. С. Дворцовая (удельная) деревня Приуралья. С. 151.

[12] См.: Котов П. П. : 1) Удельные крестьяне Севера, 1797–1863 гг. С. 13; 2) Материалы об общественной запашке в удельной деревне Вятской губернии // Теория и методика краеведения в образовательных учреждениях. Киров, 2000. С. 59–60.

[13] См.: ЦГА УР. Ф. 241. Оп. 1. Д. 344. Л. 33 об.

[14] См.: ГАКО. Ф. 575. Оп. 21. Д. 80. Л. 43 об.–44 об.

[15] См.: НОА УИИЯЛ. РФ. Оп. 2-Н. Д. 9. Л. 313.

[16] См.: Гришкина, М. В. Удмуртия в эпоху феодализма (кон. XV – 1-я пол. XIX в.). Ижевск, 1994. С. 148–149; ГАКО. Ф. 575. Оп. 21. Д. 80. Л. 44 об.–47.

[17] См.: ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 12. Л. 96 об.; Дружинин, Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. Т. 2. С. 241–242.

[18] См.: Половинкин, Н. С. Дворцовая (удельная) деревня Приуралья. С. 171–173; РГИА. Ф. 515. Оп. 15. Д. 2235. Л. 437.

[19] См.: Минаков, А. Ю. Социально-экономические взгляды русских консерваторов первой трети XIX века // Рос. история. 2010. № 4. С. 156–158.

[20] См.: ГАКО. Ф. 582. Оп. 139. Д. 320. Л. 106–106 об.; Ф. 574. Оп. 1. Д. 100. Л. 7 об.

[21] Столетие Вятской губернии... Т. 2. С. 484; ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 100. Л. 35.

[22] ГАКО. Ф. 575. Оп. 38. Д. 161. Л. 2–3, 10, 11, 12, 12 об., 19.

[23] ВГВ. 1847. № 47. С. 316–317; ГАКО. Ф. 575. Оп. 8. Д. 1804. Л. 1–2.

[24] ВГВ. 1844. № 32. С. 179.

[25] См.: ЦГА УР. Ф. 91. Оп. 1. Д. 60. Л. 5 об.; Ф. 241. Оп. 1. Д. 576. Л. 190–190 об.

[26] ГАКО. Ф. 575. Оп. 38. Д. 264. Л. 1–3, 23–23 об.; РГИА. Ф. 398. Оп. 1. Д. 4235, 4831.

[27] См. подробнее: Субботина, А. М. Земство и удмуртская крестьянская община. Инновационный потенциал народной агрикультуры. Ижевск, 2010. С. 157–173.

[28] См.: Сборник постановлений Вятского губернского земства за 21 год (1892–1913 гг.). Т. 8. Вятка, 1914. С. 20–21, 24–27.

[29] См.: ЦГА УР. Ф. 5. Оп. 1. Д. 41; Журналы Малмыжского уездного земского собрания экстренной сессии 9 и 10 февраля 1914 г. Малмыж, 1914; Блинов, Н. Земство за полвека. Сарапул, 1914.

[30] Журналы Вятского губернского земского собрания очередной 47-й сессии 1914 г. Вятка, 1915. С. 307, 316–317.

[31] См.: Памятная книжка и Адрес-календарь Вятской губернии на 1916 год. Вятка, 1915. С. 109, 128, 164, 210–211.

[32] См.: Журналы Вятского губернского земского собрания 45-й очередной сессии 1–17 февраля 1913 г. Вятка, 1913. Т. 3. С. 462–463.

[33] См.: Александров, А. А. Сельскохозяйственное машиностроение на Воткинском казенном заводе // Аграрные отношения в Удмуртии во второй половине XIX – начале XX в. Ижевск, 1981. С. 124.

[34] См.: Статистический ежегодник Вятской губернии за 1913 и 1914 года. Вятка, 1914. С. 21–23.

[35] См.: Сборник постановлений Вятского губернского земства за 21 год (1892–1913 гг.). Т. 8. С. 269.